

Марк Аврелий

РАЗМЫШЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА

ВЕЛИКИЕ ИДЕИ

Марк Аврелий Антонин

Размышления

Серия «Великие идеи»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40160363

Размышления: [перевод с латинского] / Марк Аврелий: Эксмо; Москва;

2019

ISBN 978-5-04-095596-1

Аннотация

«Размышления» римского императора и философа Марка Аврелия являются одним из самых читаемых памятников мировой литературы. Не обладающий воинственной натурой, Марк Аврелий провел большую часть своей жизни в военных походах, в своем главном труде он размышляет, что есть долг и честь, почему не стоит бояться смерти, в чем опасность гнева и каковы важнейшие проблемы современного общества. Данное издание является собранием важнейших идей последнего из пяти хороших императоров Рима.

Содержание

«Лишь великие мечты способны тронуть людские души»	7
«Надо привыкать мыслить и действовать, как будто конец жизни уже наступает»	9
Размышления императора Марка Аврелия Антонина о том, что важно для самого себя	11
Глава I	11
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марк Аврелий Антонин

Размышления императора

По Марку Аврелию, человек живет только...

1. Будущим
2. Старыми впечатлениями
3. Настоящим
4. Ради других.

Правильный ответ вы сможете узнать прочитав эту книгу...

Марк Аврелий Антонин 121–180

«Лишь великие мечты способны тронуть людские души»

Правление Марка Аврелия Антонина (121–180) пришлось на неоднозначный период истории. С одной стороны – Римская империя достигает своих максимальных размеров, императоры наконец-то находят общий язык с сенатом, жизнь государства вроде бы идет по накатанной колее. Но... Все сложнее становится подчинять непокорные пограничные провинции, во все большее противоречие приходят древние религиозные обряды и набирающее популярность христианство. И в политике Марка Аврелия, а также в философии, которую исповедовал этот образованный и одаренный император, отразились все исторические повороты эпохи и все попытки найти идеальный путь – как для отдельного человека, так и для колоссальной империи.

Марк Аврелий Антонин был приверженцем стоицизма, зародившегося в Афинах в конце IV века до нашей эры. Сторонники этого философского направления утверждали: главное – жить в согласии с природой, только так можно достичь гармонии. Покорность судьбе и в то же время признание внутренней свободы человека – парадоксальное сочетание, которое придавало стоикам невероятную стойкость и мужество перед лицом любых испытаний.

Но литературное творчество Марка Аврелия – это не только рассуждения о судьбе и возможностях личности. Мораль и этика, вера и душа, смысл жизни и презрение к телесной смерти – вот лишь малая часть тех вопросов, которые рассматривает римский правитель. И многие из них актуальны и по сей день.

26 апреля 121 г. – Марк Аврелий Антонин родился в Риме.

139 г. – усыновлен императором Антонином Пием, получил прекрасное образование.

140 г. – Марк Аврелий становится консулом

Ок. 145–146 г. – начинает заниматься философией под началом стоика Квинта Юния Рустика.

161 г. – в Риме начинается совместное правление Марка Аврелия и Луция Вера, продолжавшееся до смерти последнего в 169 г.

160-е гг. – участвует в многочисленных военных походах. Благодаря стараниям императора в Риме расцвет культуры, искусства и философии.

70-е гг. II в. н. э. – создается основная часть «Размышлений» Марка Аврелия.

17 марта 180 г. император скончался от чумы во время военного похода. Впоследствии был обожествлен.

«Надо привыкать мыслить и действовать, как будто конец жизни уже наступает»

Произведение «Размышления императора Марка Аврелия Антонина о том, что важно для самого себя», судя по всему, никогда не предназначалось «для широкого круга читателей». Он писал заметки во время военных походов и в часы отдыха, в перерывах между политическими дебатами и во время размышлений над литературными трудами предшественников. Но тем интереснее для нас сейчас это произведение – со всеми его шероховатостями, отрывочностью, афористичностью.

Как любого истинного стоика, императора более всего занимают вопросы неотвратимости судьбы, обретения душевного равновесия, ответственности правителя, божественного провидения и целесообразности Космоса.

Нет на свете «плохой судьбы» или «несчастливого жребия», прими то, что предназначено тебе и постарайся прожить отведенный век как можно более достойно! – вот лейтмотив «Размышлений», которые когда-то Марк Аврелий писал на койне – одном из диалектов греческого языка времен расцвета Римской империи. «Исполняй предстоящее тебе дело... исполняй его по совести, справедливости и с лю-

бовью» – эта мысль, одна из основных в произведении, вполне могла бы стать девизом в любом столетии – и в наше с вами время тоже. Так же как и другая – «Ничего не делай против разумной воли, всегда согласной с общим благом»...

Размышления императора Марка Аврелия Антонина о том, что важно для самого себя

Глава I

1

От деда моего Веруса¹ узнал я, что значит быть благонравным и свободным от гнева. Слава и память, которую оставил по себе родной отец² мой, побуждают меня к добросовестности и мужеству. Матери³ я обязан тем, что сделался богобоязненным и щедрым, – избегаю не только дурных дел, но и злых помышлений, люблю воздержание и не склонен к образу жизни богачей. Прадед мой по матери⁴ внушал мне, что в общественных школах не научишься добру, а совето-

¹ Анний Верус (правдивый) был римским консулом в 121 г.

² Тоже Анний Верус, был претором, сестра его Валерия Фаустина была в супружестве с императором Антонином Пием, усыновившим Марка Аврелия.

³ Домиция Люцилла.

⁴ Катилий Север был префектом Рима и консулом в 120 г.

вал выбирать себе наставников из самых лучших людей, не жалея на это средств.

2

Воспитатель⁵ мой убеждал меня не увлекаться чрезмерно зрелищами скачек или бойцов, он научил меня закаливать себя в труде, довольствоваться малым, не обременять других тем, что я не мог бы сделать сам, не предпринимать несколько дел за раз, необходимых – не откладывать и не верить без разбору всякому злословию.

3

Диогнет⁶ отвращал меня от пустяков, удалял от гаданий, магов, кудесников; не давал мне увлекаться страстью к птицам и птичьим боям; он научил меня переносить смелое слово и развил во мне склонность к философии. Он приучил меня спать на полу, накрываться шкурою зверей и вообще к простоте греческой дисциплины.

4

Благодаря Рустикусу⁷ я получил охоту к исправлению и

⁵ Марк Аврелий не называет своего воспитателя; но, вероятно, он-то и был стоик Аполлоний Халкидонский, заставивший Марка Аврелия полюбить учение стоиков и охладеть к риторике, к которой он пристрастился было под влиянием Фронтоня.

⁶ Диогнет, сколько известно, был учитель живописи Марка Аврелия, его не надо смешивать с другим Диогнетом, к которому около того времени св. Иустин писал известное письмо об «истине Христианского учения». Это различие между двумя Диогнетами весьма важно потому, что нет ни малейшего признака, чтобы Марк Аврелий знал об учении Христа.

⁷ Стоик Юний Рустикус пользовался особенной любовью Марка Аврелия.

улучшению самого себя. Благодаря ему я не соблазнился тщеславием софистов, не писал отвлеченных трактатов и не держал поучительных речей, не щеголял своим образованием; бросил риторику, стихотворство и напыщенность, расстался с халатом и оставил привычки людей изнеженных. Он же приучил меня писать просто, так, как написано письмо его к моей матери из Симуэссы. Он же внушил мне смирять свой гнев и охотно мириться с тем, кто, признав свою ошибку, ищет примирения. Он приучил меня читать толково и внимательно, не довольствуясь поверхностным знанием, а также не доверяться краснобаям, ничего не знающим основательно. Он же ознакомил меня с творениями Эпиктета и подарил мне его сочинения из книг своей библиотеки.

5

Аполлоний⁸ научил меня, как пользоваться свободой и сохранять спокойствие независимо от случайности; он научил меня ни на что в мире не полагаться, как на решение разума; приучил меня переносить стойко жестокие страдания – потерю ребенка или продолжительный недуг; он показал мне на примере ясно и наглядно, что в одном и том же человеке есть необузданность и кротость. Он не был жестким философом, преподавал философию, не вдаваясь в мелочи, и

⁸ Аполлоний – вероятно, тот самый, о котором говорится в № 2.

публично высказывал, что искусство излагать ее на теории ценит весьма низко. По его обращению с друзьями я понял, как следует принимать их услуги, не попадая к ним в зависимость и не заслуживая упрека в неблагодарности.

6

От Секста⁹ я перенял сдержанность в разговорах. Его дом был образцом патриархального строя жизни, основанного на любви и сообразного с законами природы. Он с виду был важен и глубокомыслен; но эта наружность была непритворная; к друзьям он был внимателен и старался оказывать им услуги, с простаками был снисходителен и мудрости своей не метал перед людьми, погрязшими в предрассудках. Одним словом, он умел расположить к себе всякого; оттого его все уважали и предпочитали его трезвую беседу всякой лести или похвалам. Он умел просто и ясно изложить всякому правила, которыми бы он мог руководствоваться в жизни. В нем никогда не замечалось проявления гнева или волнения; чуждый увлечению страстей, он, однако, умел горячо любить друзей своих. Он составил себе честное имя и не возгордился, обладал многими познаниями и не выставлял их на показ.

⁹ Секст – внук Плутарха, тоже стоик.

7

Грамматик Александр¹⁰ поучал меня примером своим; он никогда не делал выговоров или резких замечаний, не насмеялся над грубыми ошибками других и не стыдил собеседника, а, напротив, мягко и незаметно исправлял ошибку, щадя самолюбие его: например, он повторял немедленно грубо выраженную мысль в безукоризненной форме, как будто желая подтвердить сказанное своим авторитетом, или придумывал другой ловкий и безобидный прием.

8

Фронтон¹¹ убедил меня, что произвол порождает ненависть, бессовестность и лицемерие и что в так называемых патрициях менее человеческих свойств, чем в других людях.

¹⁰ Александр Фригийский выучил Марка Аврелия греческому языку, на котором и написаны размышления императора.

¹¹ Корнелий Фронтон – родом африканец из Цирты (Константины), оратор, известнейший и ученейший из учителей Марка Аврелия, преподавал латинскую литературу и риторику.

9

Александр Платоник¹² внушал мне никогда без крайней надобности не отвечать на просьбы словесно или письменно – «мне некогда» и не отказываться услужить другу под предлогом множества занятий.

10

Катулл¹³ внушил мне внимательно и терпеливо относиться к жалобам, даже неразумным, и стараться удовлетворить всякого или смягчить своим участием. Он же наставлял меня разумно любить детей моих.

11

Север¹⁴ воодушевил меня любовью к семье, к друзьям и домашним, любовью к правде и справедливости. Он раскрыл мне образец такого общественного порядка, в котором закон совпадал бы со справедливостью и все граждане были

¹² Александр Платоник, вероятно селевкийский, – известный оратор, живший в Афинах. Филострат, описавший его жизнь, говорит, что его называли Пелоплатон, то есть подонок Платона.

¹³ Цинна Катулл – также стоик.

¹⁴ Вероятно, Клавдий Север школы перипатетиков.

бы равны перед законом, и идеал такой монархической власти, которая была бы охраной гражданской свободы. Он советовал мне постоянно прибегать к философским занятиям, быть благотворительным и щедрым, верить в добро и дружбу. Я заметил его искренность в обращении с друзьями. Если он имел против кого неудовольствие, он высказывался ему открыто, так что друзья его всегда знали верно, в каких они отношениях с ним.

12

Максим¹⁵ руководствовался правилом, что каждый должен твердо действовать по своим убеждениям и отнюдь не склоняться к образу мыслей других наперекор своему разуму. Он не падал духом в болезнях или других случайностях, правом был умерен, кроток и спокоен; когда требовалось действовать, он приступал к делу бодро и решительно. Все верили, что он говорил всегда то, что думал. Никогда он не делал ничего сердясь или против воли, редко восторгался или удивлялся, не спешил и не опаздывал, не был робок и нерешителен, не поддавался ни крайней радости, ни огорчению, ни гневу, ни подозрительности. Он был всегда кроток, правдив и готов оказать помощь, и все эти свойства не были плодом воспитания или науки, а как бы принадлежали ему

¹⁵ Клавдий Максим – стоик.

от природы. Наконец, никто в его присутствии не чувствовал себя приниженным, но и не мог стать выше его. Он умел шутить... и приятно.

13

В отце моем была какая-то кротость и вместе с тем несокрушимая твердость в том, что он окончательно и зрело обдумал. Он был чужд честолюбия и тщеславия, внешность и почести не привлекали его; он работал охотно и неумолимо, выслушивал всякого, кто приходил к нему с общепольным предложением, и безошибочно знал, где затормозить и где дать ходу. Он не дружился с праздной молодежью и сосредоточивал свои мысли на заботах об общественном благе; приближенных своих не удерживал к столу и не требовал, чтобы они всегда были при нем, когда он выходил. Если кто из них не оказывался в свите его, он не ставил этого в вину и не менялся в обращении своем. В совете он подолгу зрело обсуждал дела, изыскивая целесообразные меры, не торопясь и не хватаясь за первое поданное мнение, чтобы скорее покончить с совещанием. В дружбе он отличался постоянством, не тяготился друзьями, но и не баловал их излишней лаской и милостью.

Черты его лица выражали спокойствие ясной души. Он был дальновиден и предусмотрителен, распоряжения его касались мельчайших подробностей, приказания отдавались

неторопливо. Он не терпел шумных приветствий лести под какой бы то ни было личиной, одну магистратуру обставлял подобающими ей достоинству, почестями. Он тратил бережливо и соблюдал государственные доходы, не обращая внимания на неодобрение, но и не сердясь на порицателей. Он почитал богов, но без суеверия и никогда не заискивал расположения толпы. Образ мыслей его отличался трезвостью и постоянством, все делалось у него вовремя, нововведения избегались. Всем тем, что для удобства жизни доставлялось для него в изобилии, он пользовался умеренно, не придавая тому особой важности. Когда этого излишка не было, он и не думал о нем.

Никто не мог сказать про него, что он был софист, оратор, писатель или ученый, но все знали, что он человек зрелый, просвещенный, недоступный лести, имеющий власть над собой, а потому и над другими. Хотя он высоко ценил лишь истинных философов, однако остальных не бранил.

В домашнем кругу разговор его был свободен и приятен. Относительно ухода за своим телом он соблюдал благоразумную середину, не посвящал свою жизнь своей одной плоти, но и не пренебрегал ею, имея в виду, что разумная забота о ней избавляет от докторов и лекарств. В нем была особая высокая черта: он слушал без зависти всякого человека, выдающегося специальным знанием, например по части истории, законов или обычаев, помогал ему и давал ход по его отрасли. Хотя он во всем держался обычая предков, однако

не любил, чтобы это замечали и чтоб об этом говорили.

Во вкусах своих он был постоянен, любил те же места и те же занятия. После жестоких головных болей, которым он был подвержен, он бодро принимался за обычные занятия. У него не было тайных дел, исключая немногих государственных. Он относился весьма осторожно к вопросам о народных зрелищах, об общественных работах и вообще к благодеяниям и щедротам, расточаемым народу: он рассматривал их с разумной точки зрения пользы народа, а не приобретения для себя славы.

Ванны готовились для него лишь в назначенные дни, он не имел страсти к постройкам, никогда не заботился о пище или о том, чтобы прислуга была видная и рослая. Он не обращал внимания на цвет и качество тканей своей одежды: таковая изготовлялась в небольшом поместье Лориуме из шерсти собственных овец или выписывалась из Ланувиума через арендатора его тускуланского поместья.

Вообще главные нравственные черты его были: человечность, кротость, самообладание, умеренность, равновесие и стройный порядок во всем, до чего он касался. К нему вполне относилось то, что сказано об Сократе: он имел силу воздерживаться от соблазна там, где другие впадали в него по слабости характера, и умел пользоваться умеренно такими наслаждениями, которые другие увлекались до бесчувствия.

Иметь над собою власть воздерживаться и сохранять умеренность в пользовании – вот черты человека с сильным,

непобедимым духом, каковым и показал себя на деле отец мой во время болезни Клавдия Максима.

14

Боги дали мне почтенных предков, добрых родителей, сестер, наставников, хороших слуг, друзей и родных. Благодарю Провидение за то, что я никому из них не нанес огорчений: благодаря счастливым обстоятельствам я не совершил ничего постыдного, хотя неоднократно едва удержался от порока. Благодарю Провидение, что воспитанием моим недолго заведовала наложница моего деда и что я не потерял преждевременно чистоту отроческого возраста.

Счастлив я, что был руководим таким отцом и повелителем, который рано начал отучать меня от высокомерия. Он внушал мне, что при дворе можно жить без свиты и телохранителей, без шитых мундиров, факелов, статуй и прочей роскоши, что великодушие монарха, величие его особы и благотворная деятельность его нисколько не умаляются ношением простой одежды.

Счастлив я, что имел брата, который подавал мне пример благонравия и нежно любил меня, что дети мои родились здоровыми духом и телом и что я не сделал быстрых успехов в риторике, поэзии и других науках, потому что, отличившись в них, я, вероятно, предался бы им исключительно. Я рад, что мог скоро доставить воспитателям моим почетные

должности, которых они желали, и не огорчал их пустыми обещаниями, ссылаясь на то, что они еще молоды и что я займусь ими «со временем».

Благодарю Провидение, что оно послало мне Аполлония, Рустикуса, Максима, что мысль о жизни, согласно с законом природы, и живое стремление к ней беспрестанно и ясно представлялись моему разуму, так что от богов и получил всякую помощь и благодать и не могу сказать, что по неведению не мог устроить своей жизни согласно с законом природы; если до сих пор еще я раб своих слабостей и не могу отрешиться от них, то виню себя одного, ибо не слушаюсь их увещаний, не полагаюсь на них и не внимаю их голосу, обращенному ко мне. И как могла моя плоть, несмотря на мою дурную жизнь, сохраниться до сих пор невредимо!

Благодарю Провидение за то, что мои любовные интриги с Бенедиктой и Теодотой ограничились словами и не доведены до дела и что с тех пор, когда страсть снова овладевала мною, я мог побеждать ее разумом; что когда я был сердит на Рустикуса, не сделал против него ничего такого, в чем бы пришлось раскаиваться; что мать моя, которая умерла молодою, последние годы провела со мною; что когда бы я ни пожелал помочь нуждающемуся, ни разу не получал отказа в деньгах и сам никогда не знал нужды; что у меня жена любящая, простая и несвоенравная; что мне удалось набрать способных воспитателей для моих детей; что во сне мне открыты были некоторые целебные средства, особенно против

припадков кровохарканья и обмороков, которыми я страдал в Гаэте и Хризе; что, когда я начал заниматься философией, не подпал под влияние софистов и не терял времени за чтением пошлых авторов, не увлекся ни тонкостями логики, ни любопытными изысканиями астрологии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.